

О себе приезжий, как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностью, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначущий червь мира сего и недостойн того, чтобы много о нем заботились; что испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду, имел много неприятностей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищет избрать наконец место для жительства, и что, прибывши в этот город, почел за неперменный долг засвидетельствовать свое почтение первым его сановникам. Вот все, что узнали в городе об этом новом лице, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринке.

...Приезжий во всем как-то умел найтись и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе — он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках — и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, — он показал, что ему небызвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о бильярдной игре — и в бильярдной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели — и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах; о выделке горячего вина — и в горячем вине знал он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках — и о них он судил так, как будто бы сам был и чиновником, и надсмотрщиком. Но замечательно, что он все это умел облекать какою-то степенностью, умел хорошо держать себя. Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует. Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек. Все чиновники были довольны приездом нового лица».

Нередко утверждают, что Чичиков Гоголя — чисто русский тип. Но так ли это? Разве не встречал каждый из нас Чичикова в Западной Европе? Человека средних лет, ни толстого, ни тонкого, двигающегося с легкостью почти военного человека?.. Как бы ни сложен был предмет разговора, который он заведет с вами, западный Чичиков тоже знает, как подойти к вопросу и заинтересовать собеседника. Разговаривая, например, со старым генералом, западноевропейский Чичиков искусным образом коснется «величия родины» и ее «военной славы». Он — не джинго⁸ совсем напротив, — но он имеет ровно столько сочувствия к войне и победам своей родины, сколько можно ожидать от человека с патриотическим оттенком мыслей.

Если западный Чичиков встречается с сентиментальным реформатором, он сам немедленно делается сентиментальным и выказывает стремление к благородным реформам, и т. д. Словом, он всегда имеет пред собой какую-нибудь личную цель и всячески постарается снискать вашу симпатию и заинтересовать вас в том, что представляет интерес для него самого в данную минуту. Чичиков может покупать «мертвые души» или железнодорожные акции, он может собирать пожертвования для благотворительных учреждений или старается пролезть в директоры банка... Это безразлично. Он остается бессмертным международным типом; вы встречаетесь с ним везде; он принадлежит всем странам и всем временам; он только принимает различные формы,сообразно условиям места и времени.

Одним из первых помещиков, с которым Чичиков заговорил о продаже мертвых душ, был Манилов — также универсальный тип, с прибавлением тех специально-русских черточек, какие могла придать этому характеру спокойная жизнь крепостного помещика. «На взгляд он был человек видный, — говорит Гоголь, — черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару... В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую за тем минуту ничего не скажешь; в третью скажешь: «Черт знает что такое!» — и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную». Вы не услышите от него живого или одушевленного слова. Каждый человек проявляет интерес или энтузиазм к чему-нибудь, но Манилов лишен этого качества. Он всегда находится в приятном спокойном настроении духа. Кажется, что он постоянно размышляет, но предмет его размышлений остается тайной. «Иногда, — говорит Гоголь, — глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провели подземный ход, или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение». Но даже менее сложные проекты Манилову было лень привести к концу. «В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель,

⁸ В Англии, в особенности во время войны с бурами, а в Америке во время кубинской войны и при президенте Мак-Кинлее развился этот тип воинствующих патриотов и ненавистников всего юга, которых называли jingo — джинго.